

Светлана АКСЕНОВА- ШТЕЙНГРУД

Поэзия — это странное занятие — называть вещи не своими именами и далекие друг другу понятия сталкивать лбами, мечтая об аварии или взрыве. Потому что настоящая катастрофа слов, когда не бывает уже катастроф словесных. В оболочках, тухлых и тесных, привычно услужливые клише, как проститутки, уставшие от клиентов, от механических неглиже и целлофановых комплиментов. Но судьба придумала для меня это гибельное спасение: зажигать свет среди бела дня, искать иголку в стоге сена...

Памяти Зиновия Гердта

Смерть пряталась суфлером за кулисой,
Последний акт суфлируя судьбе.
А Гердт играл премьеру бенефиса —
Веселые поминки по себе.

Так фокусник с еврейскими глазами
Последний фокус выдумал на славу:
Сказав «Шалом!» в своем последнем зале,
Навек покинул русскую державу.

Он на прощанье грустно улыбнулся,
Любимец общий гоев и изгоев.
И, наконец, на родину вернулся -
Оле хадаш Небесного Покоя...

Залечь на дно.
Не шевелиться.
Не совершать усилий тщетных.
Не говорить напрасных слов.
Глядеть на суетные лица,
Как равнодушно смотрят птицы
На разоренный отчий кров,
Осенних странствий слыша зов.
Как листья в ласках безответных —
В последний раз коснуться ветки,
Срываясь за вселенским ветром,
Из хрупких выпорхнуть оков
Желанно-безутешных снов
Кромешной этой канители,
В которой погостить успели
Недолго так и несерьезно.

Но сожалеть об этом поздно...

Тоска плыла, как мутная река.
Зеленая, болотная тоска.
Толпа клубилась в жаркой свалке споров
И лаяла неистово, как свора
Цепных собак, сорвавшихся с цепи.
И губы пересохшие сцепив,
Я слышала, как нежности струна
Оборвалась, звеня. И замолчала.
Тоска плыла, густела и крепчала.
Был воздух неподвижен, как стена,
Которую зовут Стеною Плача.
И жизнь моя, как загнанная кляча,
Хрипела, обрывая ~~стремена~~.

Ветер бешеным волком вонзает клыки
В апельсиново-сонные вены ветвей.
Кровь зеленая брызнет травой у асфальта.
Провода, словно струны охрипшего альта.
И уставились окна очами сычей.

Сколько русской осенней и пьяной тоски
У внезапных израильских ливневых зим.
Желтым снегом лютуют песчаные бури.
И погромы небес в грозовой партитуре
Страх столетий смывают, как въевшийся грим.

Слово «потоп» было, конечно, допотопным.
 В нем медленно топали динозавры и мамонты
 Первого мира.
 Но даже если прибавить
 слово - Всемирный,
 все равно невозможно представить
 мощь стихии, сметавшей сушу,
 как пылинку со стола застывшей Вселенной.
 Мощь воды, поглотившей грешных людей
 и безгрешных тварей,
 которых расточительный Б-г уничтожил просто так,
 из любви к искусству
 создавать и рушить
 и смертельной скуки
 приговоренного к бессмертию.
 Но Б-г дал слово, что второго Потопа
 не будет!
 Он пунктуален, и слово свое
 не нарушит.
 И потому миллионы других избранников Божьих
 уничтожил огонь и сладкий дым
 печей и камер.
 И снова тоска неподвижна, как серый камень.
 Тоска ненасытной любви.
 Мой праведный Боже
 столько раз упомянут всуе, что, наверно, икает.
 И теперь такие игрушки Его забавляют,
 которые не оставляют сомнений в успехе
 Его самой главной, последней Его потехи.
 На зеленом платье своем
 Земля не латает прорехи.
 Для чего? Если снова огонь. И вода.
 И медные трубы.
 И ожогом предчувствий обуглены наши губы...

Зима заводит белые бои.
 Наохлились слова, как воробьи,
 И падают на белую страницу
 Комочком серым, безголосой птицей
 Слова заледеневшие мои...

Зануда запредельная! Зараза!
 Безумная! Заноза! Фантазерка!
 Заканчивай последнюю из сказок,
 Пока ты не освистана галеркой.

Претензии к земному персонажу,
 В герои возведенному, — нелепы.
 Так осень выставляет на продажу
 Раскрашенное, благостное лето.

Заядлая! Зачем зудишь, как муха,
 Когда вокруг размеренно зевают!
 Зачем? Зачем заводишь эту муку:
 Смотреть в себя, себя не узнавая...

Язычица! Твой идеальный идол-
 В удавке из проклятий и поклонов.
 Сомнения седые, как пирамиды,
 И образы томятся, как иконы.

А иудейский Бог свободе учит.
 И даже благосклонен к многоженству.
 Но почему Всевышний не отучит
 Свою Рахель от идолопоклонства?...

Привычка жить пьянит, как алкоголь.
 И мы не помним в суете запойной
 Самих себя. И даже эту боль
 Любовную - немислимо запомнить

Надолго. И похмелье пустоты
 Мы запиваем новой суетою,
 Как сонные, крошечные кроты,
 Не помнящие звезд над головою.

...А когда заносит окно и поедет крыша,
 И забудешь, что делать с душою,
 такую босой!
 Надо стать, как растение. Даже еще тише:
 Не сиять лепестками! Не колотиться шипами.
 Не плакать росой...

Слишком много, как много воды утекло!
 Но с водою по капле и я убывала.
 Так старательно время свое убывала,
 Будто время иное мне будет дано.

Эта тина бессмертья, что тянет на дно
 Беспощадною жаждой - свершиться и сбиться!
 Если может нечаянно жизнь случиться,
 Значит, кто-то прокрутит ее, как кино.

Мой Создатель! Чудачеств моих режиссер!
 Я Тебе благодарна без богобоязни,
 Что избрал среди тысяч для сказочной казни,
 И раскинул любви безнадежный шатер.

Но зачем обрекать неизменный мой дух
 На позор изменений неверного тела,
 На ознобы души, что стареть не хотела,
 И не в силах смотреть на ужимки старух.

И не в силах заглядывать в зеркала...
 Нерасчетливый мой, расточительный гений!
 Я в Твоем цветнике — не последней была!
 Подари мне смиренность, избавь от сомнений

В том, что Ты существуешь и ведаешь, что
 Происходит в Твоих, Аллилуйя, аллеях.
 И что жизнь моя — не забава лото
 Иль счастливый билет в вещевой лотерее...

